

В ДОМЕ НА ФОНТАНКЕ-ПРАЗДНИК!

Поздравляем юбиляра.

СОХРАНИЛАСЬ старинная афиша. Газetano Чинизелли, «почетный шталмейстер его величества короля Виктора Эмануэля», извещал жителей Петербурга о том, что в здании на площади у Симоновского моста «имеет быть большое представление». Афише сто лет. Ного только за это время не видело старинное здание на берегу Фонтанки! Вот лишь несколько знаменитых имен: Анатолий, Владимир и Юрий Дуровы, Борис Манжелли, Ирина Бугримова, сестры Кох, Николай Ольховиков, Виолетта и Александр Кисс, Полина Чернега и Степан Разумов, Валентин Филатов, Юрий Никулин... Сегодня ордена Трудового Красного Знамени и ордена Дружбы народов Ленинградский цирк отмечает свое столетие. Сегодня здесь — торжественный вечер. А потом снова начнутся его беспоянные трудовые будни. И снова будут спешить сюда люди, потому что, как поется в песенке из юбилейного представления: «Если вы как-нибудь захотите вернуть детство, в мире очень давно существует одно средство. Говорят мудрецы, что один только цирк властен веселить молодых, забавлять и дарить счастье...».

Да, в цирке все мы немного молодеем...

ЛЕНИНГРАДСКОМУ цирку — сто лет, а **Борису Петровичу** — почти шестьдесят пять. Заслуженный артист республики **Вяткин** — пожалуй, старейший из тех, кто сегодня принимает участие в юбилейной программе. А его сын **Борис** — один из самых молодых...

— **Борис Петрович, а почему вы и сына назвали Борисом!**

— Чтобы плакат не перепечатывать: ведь надеялся, что он тоже станет клоуном... Кстати, впервые вывел сына на манеж, когда ему было четыре года. Была у меня такая сценка, посвященная некоторым родителям: по ходу номера даю малышу конфетку за конфеткой, наконец инспектор манежа не выдерживает: «Так нельзя воспитывать детей!», а я парирую: «Пусть ребенок ест конфеты. Может, курить бросит...».

НО «РЕБЕНОК» стал не клоуном. Он стал силовым жонглером. Самый молодой в стране... Вот **Борис** — в луче прожектора, похожий на юношу с древнегреческой фрески. Одна за другой возникают позы античных скульптур — то Геракла Фарнезского, то Дискобола, то Лаокоона, то Зевса... Фигура артиста, совершенная в своей мужественной красоте, вылепленна энергично и мощно. Начинается «железная игра»: взлетают тяжелые ядра, гири, пушинкой кажется внушительная штанга... Но самое главное достижение номера все-таки вовсе не в том, что молодой человек играючи крутит эту увесистую штангу. Самое главное — обаяние артиста. Здесь, в номере, где, казалось бы, все должно быть построено исключительно на грубой мускульной силе, властвует нечто совсем иное: в движениях молодого человека, в выражении его лица прежде всего торжествует интеллект. С чуть ироничной улыбкой тонкого и мыслящего человека, способного в свободную минуту как бы шу-

тя поиграть ядрами и гирями, выходит артист к зрителю. Наверное, примерно так мог бы себя держать, допустим, современный молодой историк, или, скажем, живописец, или философ, будь он в состоянии и на манеже выступить...

Впрочем, насчет философа я не так уж и далек от истины: сначала **Борис** с отличием закончил Государственное училище циркового и эстрадного искусства, потом — театроведческий факультет ГИТИСа, сейчас заочно учится в ЛГУ на философском. Вчера, например, утром он сдавал экзамен по философии эпохи Возрождения, днем — выступал на научно-творческой конференции, а вечером вышел на манеж. Еще одна характерная деталь: **Борис** — член комсомольского комитета Всесоюзного объединения «Союзгосцирк».

Заранее прошу прощения у читателя за пространную цитату, но, думается, в разговоре о молодом артисте она как нельзя более кстати. В 1919 году **Анатолий Васильевич Луначарский** писал:

«...Возьмем главнейшие элементы цирка. Первым и самым значительным является демонстрация физической силы и ловкости, физической красоты человеческого организма».

Только безнадежные упаднические настроения могут относиться к христианским пренебрежением к телу. Мы, материалисты, знаем, что оно священо и прекрасно само по себе и неразрывно связано с так называемой духовной жизнью. Только физическое развитие подходит к своему завершению, когда достигается красота. Красота есть единственное мерило правильного физического развития. Когда вы видите в цирке гуттаперчевого мальчика или бегемотоподобного атлета — впечатление красоты абсолютно отсутствует. Вы стоите перед миром извращения, насилия над человеческим телом, гипертрофией. Там же, где цирковой номер поражает вас грацией и легкостью, где изумительные вещи, кажущиеся чудом, продлеваются с естественностью, далеко превосходящей естественность любого обывателя, там торжествует человеческий дух. Он торжествует там потому, что это воля духа, то есть нервной мозговой системы, подчинила себе мускулы и кости, потому что человек сделал из себя са-

А ВЯТКИН-старший, уже отработав в первом отделении и разгримировавшись, тоже следит из-за кулисы за выступлением сына.

— **Волнуетесь, Борис Петрович!**

— Очень. Номер-то ведь совсем не простой... Однажды в Архангельске штанга во время вот этого самого «кручения» из рук вдруг вырвалась. Номер **Боря** до конца довел, но потом оказался в больнице. А я в тот вечер посидел...

— **Сегодня праздник, и давайте, Борис Петрович, не будем предаваться таким воспоминаниям, тем более что зрители уже приветствуют финал выступления вашего сына овацией... Кстати, может быть, вспомните знак зрительского внимания, особо дорогой для вас...**

— Трудно выделить. Хотя... Однажды на фронте во время

ступали в армейском госпитале. Я пел песенку-пародию на Гитлера «С Берлинского кичмана» (на мелодию известной песенки из репертуара Леонида Осиповича Утесова). И вот во втором куплете, когда Гитлер мечтает покорить весь мир (глаза фюрера беспокойно бегают, нижняя челюсть выдвинута вперед, скрюченные пальцы готовы заgrabастать весь земной шар), вдруг слышу громкий голос раненого бойца: «У, сволочь!». Такой высокой оценки своей работы я даже не ожидал.

— **Что ж, зритель, особенно ленинградский, к вам с вашей Манюней всегда относится с огромной симпатией...**

— Да, даже **Карандаш**, когда мы однажды встретились в Москве, заметил: «**Борис Петрович**, у меня к вам претензия — в Ленинграде мою **Кляксу Манюней** называют...». А насчет зрительского сочувствия вспоминается еще такой эпизод. На фронте мы часто, чтобы сэкономить перед концертом время, переезжали из одной части в другую не разгримировавшись. И вот как-то выхожу из машины, помогаю бойцам выгружать рекевизит, а пожилой красноармеец посмотрел на мою физиономию, рыжий парик и вздохнул: «Бедный, кто же тебя так размалявал! За что это тебя наказали?». Я так растерялся, что и ответить ему ничего не смог.

— **А вообще бывает, что актеру цирка приходится импровизировать по ходу выступления!**

— Еще сколько!.. Опять-таки вспоминается фронтовой концерт. Дождь. Вместо сцены — плащ-палатка на сырой земле. Танцуем комический танец в ритме румбы — и из-под плащ-палатки летят брызги. Финал танца — сальто-мортале. С последним аккордом баяниста «прихожу» после прыжка на мокрую, скользкую плащ-палатку, обдавая сидящих рядом зрителей фонтаном грязной воды. После поклона говорю им: «Дорогие товарищи, не обижайтесь. Работа наша, а сцена-то наша...».

В другом концерте исполнял парный акробатический номер. Вдруг — залп зениток. Стоя на голове, обращаюсь к командиру: «Зачем ваши зенитки шум поднимают, я же могу со страху на ноги упасть!».

— **Искусство импровизации, вероятно, и помогает артисту быть злободневным!**

— Конечно, эти два понятия связаны тесно. Например, выступая на заводе, я часто исполнял репризы, в которых упоминались конкретные фамилии бракоделов, пьяниц, прогульщиков... И вот как-то на одном заводе, узнав предварительно у руководителей фамилии любителей выпить, выхожу с **Манюней** в очередной паузе. У меня грустный вид, **Манюня** громко скулит. Ведущий программу спрашивает:

— **Борис Петрович, о чем это вы с Манюней горюете?**

— **Манюнька** боится, что я скоро умру...

— Вы ей объясните, что в конце концов мы все там будем.

— **Манюнька**, перестань скучать. Все мы там будем. И я, и Иванов, и Петров, и Сидоров (я перечислил всех цеховых пьяниц). Представляешь, какое на том свете пьянство начнется!

Я наклонился к **Манюне**, «шептавшей» мне что-то на ухо, а потом обращался к ведущему:

— **Манюнька** говорит, ей жалко, что и на том свете такое безобразие будет.

Цех от хохота сотрясаясь... — **Вы много выступали за рубежом, и даже, говорят, всякий раз на языке той страны, где находились... Как же вас в таком случае понимала Манюнька!**

— Да, в каждой стране — и в Индии, и в Индонезии, и в других — я выучивал несколько простых бытовых фраз. Зрителям это доставляло удовольствие, а вот бедная моя **Манюня**, слыша иностранные слова, терялась и не знала, чего я от нее хочу. Приходилось все переводить ей на русский... Помню, в Хельсинки выходил с **Манюней** на манеж, в руках — полотенце и венки.

Ведущий интересуется: — **Борис Петрович, куда вы так спешите?**

Я отвечал на финском:

— В финскую баню.

— **Жизнь репризы не бесконечна, но все-таки вспомните, пожалуйста, какую-нибудь из давних, что не потеряла своей злободневности и сегодня.**

— Из стареньких?... Ну вот, например, когда-то, выходя в паузе между номерами, я предлагал инспектору манежа сесть в мой новый автомобиль: «Прокачу с ветерком!». Он благодушно отказывался, а я убежал за кулисы. Оттуда доносились звуки заводного мотора, а затем гремел взрыв... Шатаюсь, я появлялся на манеже в рваной грязной одежде. На мне висели автопокрышки и два автомобильных номера: один — на груди, другой — на спине.

Инспектор спрашивал:

— Ну что, прокатились?

— Да, с ветерком.

— А почему это у вас два разных автомобильных номера?

— Очень просто: который на спине — тот от моей машины, а который на груди — от встречной...

Разве эта реприза потеряла свою злободневность?..

ЦИРК погасил огни. **Борис «большой»** и **Борис «маленький»** вышли на набережную Фонтанки, где в машине вместе с **Манюней** их уже ждала **Ариадна Ивановна** — самый первый болельщик, самый верный помощник. Когда-то она была вольтижеркой на лошади, а сейчас — просто жена клоуна и мама атлета. Впрочем, это тоже совсем даже не просто...

Л. СИДОРОВСКИЙ

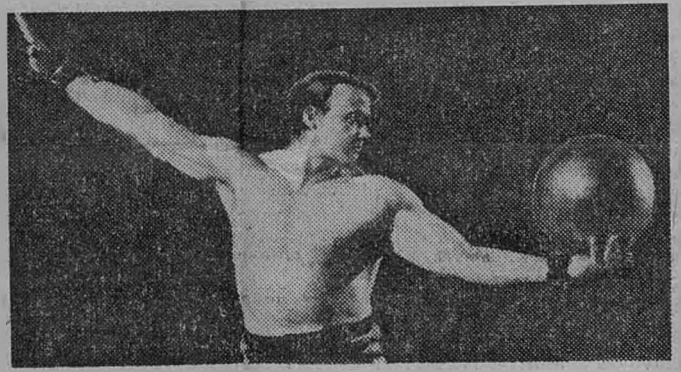
© На снимках: **Борис Петрович** с **Манюней** и **Борис Вяткин**.

Фото М. Ширмана

БОРИС- «БОЛЬШОЙ» И БОРИС- «МАЛЕНЬКИЙ»...

● ДИАЛОГ ЗА КУЛИСАМИ

мого совершенную, живую статую, как скульптор делает прекрасную неподвижную статую из мрамора...».

Да, именно эти слова **Луначарского** невольно приходят на память, когда смотришь на **Вяткина-младшего**.

концерта подали мне букетик полевых цветов, а в нем — записка: «Цветы набраны в нейтральной полосе. Привет от разведчиков!». Ни до того, ни после не знал я букета дорожки... Или еще одно воспоминание, тоже военное... Вы-